

УДК 616.89-097

МЕНТАЛЬНЫЙ ИММУНИТЕТ КАК БИОПСИХОСОЦИОДУХОВНАЯ МАТРИЦА ИДЕНТИЧНОСТИ И ОСНОВА БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

© 2015 г. П. И. Сидоров

Северный государственный медицинский университет, г. Архангельск

Обосновано определение ментального иммунитета как биопсихосоциодуховной защиты идентичности и основы безопасности личности и общества. Систематизированы его ресурсные характеристики и функциональные механизмы. На эпидемической модели синдрома приобретенного ментального иммунодефицита описана его феноменология по четырем блокам психогенеза и социогенеза, биогенеза и анимогенеза. Выделены алгоритмы построения системной и блочно-модульной защиты общественного сознания и общественного здоровья при кризисе идентичности гибридного мира. Обоснован синергетический подход к ментальной безопасности, обеспечивающей защиту индивидуального и общественного сознания. Выделены ее основные направления и целевые уровни в формировании государственно-гражданской идентичности. Предложены интегральные стратегии обеспечения ментальной безопасности на синергетической технологической платформе надведомственной службы ментального здоровья. Обоснована миссия ментальной медицины, состоящая в адаптивном управлении сознанием и здоровьем, как приоритета национальной безопасности в эпоху гибридных войн.

Ключевые слова: ментальный иммунитет, ментальная безопасность, синдром приобретенного ментального иммунодефицита, ментальные эпидемии, стратегии защиты, государственно-гражданская идентичность

MENTAL IMMUNITY AS BIO-PSYCHO-SOCIO-SPIRITUAL MATRIX OF IDENTITY AND PERSONALITY AND SOCIETY SAFETY BASIS

P. I. Sidorov

Northern State Medical University, Arkhangelsk, Russia

There has been grounded assessment of mental immunity as a bio-psycho-socio-spiritual defense of identity and a basis of personality and society safety. Its resource characteristics and functional mechanisms have been systematized. With the use of the epidemiological model of the acquired mental immunodeficiency syndrome, there has been described its phenomenology according to four blocks of psychogenesis and sociogenesis, biogenesis and animogenesis. There has been separated algorithms of arrangement of systemic and block-module protection of public conscience and public health in the hybrid world identity crisis. There has been grounded the synergetic approach to mental safety providing protection of individual and public conscience. Its main directions and target levels in formation of state-civil identity have been separated. We have proposed integral strategies of mental safety provision based on the synergetic technological platform of non-departmental mental health service. We have grounded a mission of mentality medicine consisting of adaptive conscience and health management as a priority of national security in the era of hybrid wars.

Key words: mental immunity, mental safety, acquired mental immunodeficiency syndrome, mental epidemics, protection strategies, state-civil identity.

Библиографическая ссылка:

Сидоров П. И. Ментальный иммунитет как биопсихосоциодуховная матрица идентичности и основа безопасности личности и общества // Экология человека. 2015. № 12. С. 42–52.

Sidorov P. I. Mental Immunity as Bio-Psycho-Socio-Spiritual Matrix of Identity and Personality and Society Safety Basis. *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology]. 2015, 12, pp. 42-52.

Эпидемически растущее многообразие угроз и вызовов сингулярного мира обеспечило широкую востребованность и расширение смыслового поля классического медицинского термина «иммунитет» и полимодальной безопасности [12, 27, 32]. Сегодня практически привычными стали понятия психологического и социального, нравственного и духовного иммунитета. Однако целостность и системность подходов к проблеме безопасности требуют синергетического прочтения понятия **ментального иммунитета как биопсихосоциодуховной защиты идентичности и основы безопасности личности и общества**.

Задачей статьи является концептуально-методологическое обоснование синергетического подхода к ментальному иммунитету и ментальной безопас-

ности (МБ), описание их структурно-функциональных особенностей на клинической модели синдрома приобретенного ментального иммунодефицита, выделение стратегий нового ресурсного обеспечения национальной безопасности в современной кризисной реальности. Статья завершает двухлетний цикл ежемесячных публикаций в журнале «Экология человека», ставших основой нового практического руководства по ментальной эпидемиологии.

Функции ментального иммунитета

Ментальный иммунитет (МИ) является интегральным защитно-компенсационным буфером сингулярно нарастающего глобализационного давления. Многочисленные попытки ментального проектирования

общественно-политической и социально-экономической деятельности в этих условиях оказались не укладывающимися в классические модели коэволюционного, гармоничного и устойчивого существования человека [15, 16]. На уровнях личности и общества глобализационный прессинг уравнивается балансом «глобализации снизу», обеспечиваемой **естественным ментальным иммунитетом** адаптивного расширения сознания, и «глобализацией сверху» с **искусственным ментальным иммунитетом** «трансплантации сознания» и неочевидными перспективами интеграции. Естественный МИ проявляется онтогенетически гармоничным расширением видения картины и смыслов мира человека, развитием его нравственно-ценностных и культурных представлений, постижением многообразия уровней и стилей бытия. Искусственный МИ является навязанной извне, управляемой и стереотипной техникой универсализации достижений и ценностей глобального по масштабам, но гибридного по содержанию мира.

В концептуальных рамках МИ самой драматичной и онтогенетически последней его защитной реакцией является смерть как итог осознаваемой или неосознаваемой непосильности или невозможности земной жизни. Многочисленные свидетельства в церковных писаниях предуведомлений о смерти выдающихся подвижников Православия это примеры, говоря современным языком, интерфейса Духа над страстями Тела и Мира. В блестящем философском эссе И. Л. Андреева [2] раскрыты этнопсихологические механизмы и мультикультурное разнообразие ментальных матриц «жизни после жизни».

Не случайно учение В. И. Вернадского о Ноосфере как общепланетарной оболочке человеческого разума или глобального сознания в существенной мере было дополнено Мари Пьером Тейяром де Шарденом представлениями о духовной эволюции Вселенной, формировании и развитии «человека разумного» и перспективе соединения его с Творцом [21]. Рассмотренные нами на ряде моделей механизмы интерактивной работы «ноосферного зеркала» как глобального аккумулятора цивилизационного резильенса [32] позволяют приблизиться к гипотетическому пониманию как эффективности проникновенной молитвы, так и вдохновляющей созидательной мечты в экологии судьбы.

Представляется возможным выделить следующие основные функции ментального иммунитета.

1. *Регулятивную*, обеспечивающую управление всеми защитными ресурсами.
2. *Интегративную*, объединяющую все виды иммунитета.
3. *Когерентную*, создающую гармоничную целостность и динамическую преемственность эшелонированной защите.
4. *Интерфейсную*, представленную системным и полимодальным фокусом всех видов иммунитета.
5. *Адаптивную*, проявляющуюся приспособлением к постоянно изменяющимся внешним и внутренним условиям и ресурсам защиты.

6. *Резонансную*, взаимодополняющую настройку систем защиты под темпоритмовую динамику вызовов.

7. *Интерактивную* коррекцию фронта защиты относительно динамики ее этапных результатов.

8. *Зеркальную*, аккумулирующую смыслообразы прошлого, настоящего и будущего в бифуркационной коррекции траектории судьбы.

9. *Симметричную*, обеспечивающую соответствие полимодальных ресурсов защиты многообразию вызовов.

10. *Кумулятивную*, состоящую в постепенном накоплении и моментальной («взрывной») мобилизации защитных ресурсов в критические периоды.

11. *Прогностическую*, опережающую динамику вызовов актуализацией и мобилизацией новых уровней защиты (акцептора действия по П. К. Анохину).

12. *Интерииоризационную*, формирующую внутренние паттерны защиты через усвоение внешних алгоритмов.

Синергетическое понятие МИ эволюционировало из более ранних представлений о реакциях и механизмах адаптации и приспособления, жизнестойкости и копинг-ресурсов, защиты и компенсации и др. Оно позволяет в четырехядерном и четырехмерном блочно-модульном режиме измерять и прогнозировать ресурсы организма и личности, группы и коллектива, общества и государства.

Сохраняющиеся понятийно-терминологические разночтения в современной оценке ресурсов соматогенеза и психогенеза, социогенеза и анимогенеза, безусловно, требуют дальнейших интеграционных усилий в рамках синергетической методологии. Однако уже сегодня имеющиеся многочисленные методы психосемантики позволяют математически и графически получать категориальную структуру [5] или ментальную матрицу [33] сознания, являющуюся, по существу, скринингом МИ. Многообразие как существующих, так и потенциально конструируемых полимодальных скринирующих защитные ресурсы батарей делает быстровыполнимой задачу количественного и качественного типирования МИ.

Как пример можно привести рабочий вариант качественных критериев МИ у дошкольников, состоящий из следующих умений, доступных психосоциометрическому количественному измерению:

- объяснение причин события, поведения и реакции на него;
- анализ и объяснение своих эмоций и реакций;
- реконструкция ситуации;
- постановка цели и нахождение конструктивного выхода из ситуации (конструктивное целеполагание);
- объяснение и отстаивание своего выбора решения;
- оценка и качество поступка и результата, себя и ситуации (рефлексия ситуации, результата и себя);
- осознание и вербализация ситуации [4].

Минимально утрируя, можно сказать, что возраст начала формирования МИ определяется датой вербализации намерения зачатия будущего гражданина, а

усилия по его самостоятельному укреплению прямо отражаются в траектории человеческой судьбы.

Эпидемия ментального иммунодефицита

Произошедший четверть века назад радикальный слом советских ментальных матриц и установок, жизненных стереотипов и моделей поведения, ценностей и смыслов феноменологически описывается картиной **популяционного посттравматического стрессового расстройства** (ППТСР) [32].

Застревание России на начальных этапах развития ППТСР или **трансформационного общества** проявляется в деформации и утрате прежней коллективной идентичности и не обретении новой. Это находит выражение в многочисленных примерах переименований без содержания, работы без результата, обещаний без выполнений, обилия слов без реальных дел, ремонтах ради ремонтов, инвестиций ради откатов, и т. п.

Применяя к современному российскому обществу **теорию социокультурной травмы** П. Штомпке [28], предлагается выделить шесть стадий (фракталов) развития ППТСР или **травматического общественного расстройства** [11]:

- 1) *дореформенного кризисного состояния* — перестройки;
- 2) *разрушительных изменений* в ходе перманентных кризисов трансформации (1991, 1993, 1998, 2008—2009, 2014—2015), возникающих все чаще и рискующих перейти в эквивалентное развитие;
- 3) *переосмысления исторического опыта* с выпуском единого учебника истории (сегодняшняя Россия);
- 4) *структурной модернизации страны*;
- 5) *преодоления последствий популяционной ментальной травмы* и выходом на новый уровень развития;
- 6) *стабилизации общественной жизни* и устойчивого развития.

К сожалению, сингулярная нелинейность современного мира, похоже, существенно снижает возможности долгосрочного прогнозирования и футурологии.

В ситуации глобализационного давления и системного кризиса, когда МИ дефицитен или деформирован, развивается **кризис идентичности**, начальным и самым распространенным признаком которого является появление **массового человека** как носителя **массового сознания** [10, 18]. Такой психотип самовлюблен и эгоцентричен, амбициозен и требователен, циничен и жесток. Этот тиражируемый СМИ «образ успеха» практически выдавливает все традиционные позитивные личностные качества от доброты и скромности до душевности и справедливости. Стержнем личности массового человека становится жажда потребления, доходящая до потребительского экстаза с разнообразными формами зависимых расстройств (шопоголизма и т. п.). Субъект теряет потребность в критичном и автономном мышлении, вполне довольствуется реактивными подсказками, воспринимая

их как передачу ответственности за себя. Рефлексия перестает быть нужной, поскольку все необходимое для поддержания иллюзии личностной состоятельности предоставляется в готовом виде. Именно так возникает предсказуемый и послушный, конформный и управляемый массовый человек [10, 15, 18]. Однако открытым остается вопрос об истинных планах продюсеров этой популяционной психирургии. Не случайно практически все ток-шоу и сериалы на российских TV-экранах — это лицензионные продукты, а интернет как был, так и остается в руках частной американской компании. Поэтому такую **«массовизацию» общественного сознания можно воспринимать только как скрининг убийственной эффективности давно развернутой против России гибридной войны.**

Ведущим оружием этой войны является глобализация, которая со скоростью цепной реакции «ноосферного атомного взрыва» размывает и испаряет традиционные социально-экономические и гражданско-политические различия между людьми и обществами, а с недавнего времени и сами государства. В такой ситуации последним защитным рубежом личности становится каркас **идентичности**, интериоризованной из культуральных представлений и норм, образцов и моделей поведения [17].

В методологии ментальной медицины **синдром кризиса идентичности** (СКИ) описывается в **анимогенезе** — симптомокомплексом деморализации, в **психогенезе** — депрессивными и астенопатическими, зависимыми и перверсными расстройствами, в **социогенезе** — реакциями ухода и дауншифтинга, в **биогенезе** — широким спектром психосоматических расстройств. При СКИ именно ресурсы МИ помогают сохранить от деформации и трансформации общественное сознание, снизить психоэмоциональное напряжение и экзистенциальную безысходность, уменьшить «остроту дискомфорта» [29] и деструктивность поведения, предупредить распад личных и коллективных связей, сохранить значимые ценности и нравственные приоритеты [15, 24, 33].

Повышая уровень обобщения, можно сказать, что захлестнувшая весь мир пандемия дегуманизации и деморализации является популяционным проявлением **синдрома приобретенного ментального иммунодефицита** (СП-МИД), выделенного нами на клинических моделях комбатантов и мигрантов, алкоголизма и наркомании [31, 32].

Многочисленные социально-психологические исследования обнаруживают чудовищные масштабы **эпидемии ментального иммунодефицита** современной России. Так, Институтом социологии РАН [7] проведено исследование изменений людей за последние 15—20 лет: 78 % опрошенных отметили рост агрессивности и $\frac{3}{4}$ — снижение уважения к старшим, 70 % — увеличение недоброжелательности и неискренности, рост эгоизма и отсутствие альтруизма, 67 % — неуважительное отношение к женщине и исчезновение душевности, 68 % выделили рост цинизма,

70 % — уменьшение честности и 47 % — товарищества, 37 % — ослабление ответственности перед семьей. Столь критичная и самокритичная оценка говорит о размывании социальной идентичности, но еще сохранном ментальном иммунитете, позволяющем хотя бы заметить и с актуальностью воспринять крушение духовно-нравственных ценностей.

Деформируемая реальность неизбежно приводит к возникновению различных патологий сознания. Так, намечается возврат к **синдрому экзистенциальной безысходности** 90-х годов прошлого века с тревожно-подавленным настроением, снижением работоспособности, утратой вкуса к жизни, рассеянностью и растерянностью [13, 27]. Причины роста психопатологических явлений общественного и индивидуального сознания авторы усматривают в массивном давлении ценностей и норм, не совместимых с традиционными архетипами.

Свидетельством серьезной деформации правоохранительной системы как основы национальной безопасности является полная незащищенность как пострадавших от преступных посягательств, так и их формальных защитников: 90 % потерпевших и свидетелей ответили, что при возникновении угрозы их жизни или здоровью они будут вынуждены отказаться от дачи показаний или дадут ложные показания; 95 % судей и сотрудников правоохранительных органов подтверждают изменение показаний и лишь 0,2 % из них признают эффективность обеспечения собственной безопасности [20]. Такие свидетельства накопления тотальной правовой и социальной, психологической и моральной незащитности пока еще амортизируются ментальным резильянсом, но углубление социально-экономического кризиса неизбежно приведет к кумулятивному взрыву общественного сознания. Не случайно Россия занимает первое место в Европе по недоверию граждан к полиции [9].

Драматизм ситуации в том, что МИ — это последний рубеж национальной безопасности, подобный тому как поднимаются в рукопашную на цифровом поле гибридной войны. Ведь в ней кумулятивно взрывают общественное сознание страны-мишени, а экономически мотивированная гонка традиционных вооружений всего лишь способ «бюджетного самоубийства» и иллюзорно-имитационного транса для обреченных в лучшем случае на тоскливое выживание аборигенов (не случайно КНР в сентябре 2015 года запустила программу сокращения армии на 300 тысяч). Впрочем, выживание как стиль адаптации с минимальными ресурсными затратами и аморфными ценностными приоритетами, стоическим фанатизмом и редукционизмом, инфантилизмом и патернализмом не раз спасало славян во все времена [1, 11]. Остается только вспомнить классику — никогда не говори никогда...

Феноменологически эпидемия СП-МИД описывается следующими блоками симптомокомплексов [6, 22, 30, 32]:

а) **деструктивный биогенез:**

- ухудшение качества и снижение уровня общественного здоровья;
- депопуляционные тренды в демографической ситуации;
- рост ментальных (депрессия и др.) эпидемий;

б) **деструктивный социогенез:**

- растущая социальная деформация и катастрофическое социальное расслоение общества;
- снижение социальной мобильности и нарастание миграционной активности (до 50 % населения хотели бы уехать из страны [6]);
- усиление депривационно-изоляционных трендов;
- распространение симулятивно-имитационных псевдообщественных институтов;
- падение производительности труда и деструктивный профессиогенез;
- увеличение пропасти между народом и властью;
- дефицит социального доверия в обществе;
- рост социальных (алкоголизм, наркомания и др.) и асоциальных (экстремизм, терроризм и др.) эпидемий;

в) **деструктивный психогенез:**

- кризис индивидуальной и коллективной идентичности;
- деформация национального и гражданского самосознания;
- обезличивание деловых и функциональных отношений;
- инфокоммуникативная прозрачность и незащищенность индивидуального и общественного сознания;

г) **деструктивный анимогенез:**

- нарастающая культуральная деформация;
- падение ценности человеческой личности и жизни;
- нарушения моральной социализации;
- деформация института семьи, рост семейного насилия и агрессии, жестокости и беспризорности;
- деградация систем воспитания и образования;
- дефицит нравственно-ценностных смыслов в образе и стиле, качестве и уровне жизни;
- маргинализация и унификация общественной жизни, рост массовой культуры;
- девальвация и утрата традиций духовности.

К сожалению, современная Россия — это практически буквально «расколотое общество», для которого характерен **«конфликт фундаментальных ценностей справедливости»** [14]. При этом критичной становится лавинообразно нарастающая динамика социального неравенства и поляризации, разрушения и уничтожения целостности духовно-культурного пространства пока еще единой страны... Как отмечает М. К. Горшков [7]: «Две культуры — «рублевая» и «рублевская», две истории — русская и соросовская, две нравственности — коллективистическая и индивидуалистическая...» — все это разломы и трещины в ментальной матрице социальной российской идентичности, требующие оперативной и эффективной коррекции.

Именно поэтому стиль пассивно-инерционного созерцания и ожидания со стороны общества может стать самоубийственным катализатором распада государства. **Императив модернизации страны требует мобилизации новых механизмов и инструментов инжиниринга и менеджмента общественного сознания и общественного здоровья, аккумулированных в синергетической технологической платформе ментальной медицины.**

Целевые уровни ментальной безопасности

Безопасность жизнедеятельности (БЖД) – наука о безопасном взаимодействии человека со средой обитания. В качестве самостоятельной специальности она впервые появилась в России в 1991 году с организацией нами в Архангельском мединституте профильного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций.

Новым направлением БЖД является **ментальная безопасность (МБ)** – наука о безопасном инжиниринге и менеджменте индивидуального и общественного сознания. Эта проблематика была актуализирована нами десять лет назад с выделения психического (ментального) терроризма как нелетального оружия массового поражения [23]. По существу, это новый подход на синергетической методологии ментальной медицины к старым проблемам техники безопасности интеллектуального труда и психотехнологической инверсии, информационным и гибридным войнам, и т. п. Ментальная безопасность аккумулирует и фокусирует ресурсы МИ и регистры ментального резильянса (МР), которые в конкретных клинических случаях и эпидемических ситуациях измеряются и прогнозируются, моделируются и управляются различными **службами ментального здоровья (СМЗ)** (таблица).

Матрица ментального иммунитета и уровней безопасности

Вектор онтогенеза	Вид иммунитета	Целевой уровень ментальной безопасности
Биогенез	Биологический	Защита организма и популяции от инфекций и инвазий, чужеродных и собственных антигенно измененных клеток, обеспечивающая адаптивный уровень физического здоровья
Психогенез	Психический Психологический	Защита личности и общества от психотравмирующих факторов внешней и внутренней среды, обеспечивающая адаптивный уровень психического (психологического) здоровья
Социогенез	Социальный	Защита личности и общества от разрушительных социогенных факторов внешней и внутренней среды, обеспечивающая адаптивный уровень социального здоровья
Анимогенез	Духовно-нравственный	Защита личности и общества от деструктивных анимогенетических факторов внешней и внутренней среды, обеспечивающая адаптивный уровень духовно-нравственного здоровья

Ментальный резильянс – это гибкость и пластичность индивидуального и общественного сознания,

а СМЗ – синергетический биопсихосоциодуховный Ψ-кластер общества и государства, обеспечивающий МБ.

Основными интегральными показателями МБ как защищенности индивидуального и общественного сознания от внешних и внутренних угроз являются:

- распространенность психических и поведенческих расстройств, ментальных и социальных эпидемий;
- уровни преступности и насилия в обществе;
- уровни бедности и безработицы, социального расслоения и справедливости;
- степень социальной незащищенности больных и инвалидов;
- распространенность и выраженность аномии и перmissивности;
- синхронность и симметричность, зеркальность и интерактивность в динамике и ритмике траектории и экологии судьбы;
- гармоничный баланс в интерфейсе индивидуального и общественного сознания ресурсов и возможностей, прав и обязанностей, свободы и ответственности, компетентности и амбициозности, притязаний и самооценки, и др.;
- целостность восприятия личности и общества во всем этнокультурном и социально-психологическом, духовно-нравственном и биомедицинском разнообразии;
- сбалансированность механизмов саморазвития и самоактуализации, запускающих ментальные и социальные эпидемические процессы;
- уверенность в будущем и чувство защищенности, реализованность и удовлетворенность;
- стрессоустойчивость и надежность канализации психоэмоционального напряжения;
- эффективность прогнозирования и скрининга, коррекции и автомедиации в критические периоды онтогенетического развития;
- полимодальное единство стиля и качества, здорового образа и нравственного смысла жизни;
- баланс общечеловеческих и национальных духовно-нравственных ценностей и приоритетов;
- качество резонансно-когерентного взаимодействия личности и общества;
- позитивность и конструктивность восприятия мира и себя в нем;
- адаптивность профессиогенеза и непрерывность образования, эффективность воспитания и самоменеджмента;
- сформированность и устойчивость, активность и реализованность нравственных чувств и облика, позиции и поведения;
- равные стартовые возможности и отсутствие дискриминации в экологии судьбы;
- уровень общественной консолидации и доверия институтам власти;
- степень полимодальной поляризации общества;
- характер и уровень социальной мобильности и миграции;
- качество общественного здоровья и общественного сознания;

- динамика демографического развития (тип воспроизводства, показатели рождаемости и смертности, брачности и разводимости и др.);

- уровень патриотизма и гражданско-политической активности.

На максимальном уровне обобщения МИ — это интерфейс полимодальной и многоуровневой МБ личности и общества. Биопсихосоциодуховные ресурсы МИ поведенчески воплощаются в регистрах МР, составляющих функционально-динамическую основу МБ, закрепленную в ментальных матрицах индивидуальной и социальной идентичности. Ментальная безопасность как система защиты внутреннего мира человека становится важнейшим условием эффективного делового сотрудничества и адаптивного профессиогенеза. Без ее обеспечения не может быть ни креативной созидательной деятельности личности, ни реальной модернизации общества и государства.

Прогнозирование и предупреждение угроз МБ обеспечивает **системный мониторинг ментального здоровья (СММЗ)**, являющийся одним из инструментов СМЗ.

Интегральным смыслообразным маркером МИ является идентичность. Если **личностная идентичность** понимается как самоопределение индивидуума в терминах его биологических и физических, психологических и духовно-нравственных черт, то **социальная идентичность** — как самоопределение в рамках социальных групп и социальных ролей. В контексте рассмотрения МБ уровень обобщения повышается до коллективной и этнической, общественной и политической, гражданской и государственной идентичности.

При этом гражданская идентичность понимается не только как лояльность государству и маркер легитимизации власти, но и как отождествление себя с гражданами страны [7, 8, 25]. Это исключительно полиморфное и многомодальное понятие, меняющееся под влиянием актуальных вызовов исторического прошлого и кризисного настоящего, общественно-политической и социально-экономической ситуации как у каждого индивида, так и в коллективных идентичностях. Операциональность категорий МИ и МБ позволяет инструментально-технологически наполнять и измерять, прогнозировать и моделировать многомерную функциональность формирования и нелинейного развития **государственно-гражданской идентичности как актуального приоритета национальной безопасности**.

Не случайно даже определение ВОЗ (2001) **ментального здоровья (МЗ)** завершается гражданско-политическим акцентом: это не только отсутствие психических расстройств, но и ментальное благополучие человека, которое позволяет ему реализовать собственный потенциал, помогает противостоять стрессу, продуктивно работать и **вносить свой вклад в развитие общества** [31]. Все характеристики МЗ биопсихосоциодуховно многомерны, более того, можно сказать, что **ментальное здоровье — это полимодальное благополучие**. Важно особо подчеркнуть прин-

ципально значимую для идентичности моральную составляющую «благополучия» и «самореализации», «стрессоустойчивости» и «производительности», которые невозможны без этики делового общения. Именно поэтому для всех профессий социального служения, участвующих в обеспечении МБ, — врачей и учителей, психологов и социальных работников, правоохранителей и священнослужителей — должен быть единый Свод этических кодексов.

Интегральные стратегии ментальной безопасности

На максимальном уровне обобщения можно выделить следующие основные стратегии обеспечения ментальной безопасности.

Стратегия саморазвития (личности, общества и т. д.) представлена обновляемым и углубляемым духовно-нравственным и биопсихосоциальным потенциалом, аккумулированным в МИ, обеспечивающем успешную интеграцию в общественное сознание и функционирование многоуровневого социума. Все ресурсы МИ системно и гармонично интегрируются в регистрах МР. Так, *адаптивный анимогенез* позволяет эффективно и своевременно обеспечивать когеренцию глобальных общечеловеческих и гуманистических приоритетов с патриотическими и гражданскими национальными интересами; *адаптивный социогенез* синхронизирует и симметризирует многоуровневую пирамиду социальных ролей и отношений; *адаптивный психогенез* обеспечивает эффективность реагирования на стрессы сингулярно-кризисной реальности; адаптивный биогенез отвечает за устойчивость к традиционным инфекционным и новейшим (в т. ч. генно-инженерно-произведенным) вирусным и иным агентам.

Формы и виды, техники и инструменты реализации этой стратегии исключительно многовариантны: от полимодальной рецептуры канонического откровения апостола Павла: «Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума» до современной светской классики воспитания и образования через, а не на всю жизнь. Такая стратегия МБ позволяет, в частности, противостоять механизму генерализации ментальных и социальных эпидемий [33].

Стратегия адаптивного расширения сознания традиционно реализуется СМИ, TV и Интернетом в привязке к актуальным событийным «якорям»: от повседневной катастрофизации картины мира до гендерного мейнстрима. Среди множества безусловно успешных TV-проектов последнего времени важно отметить расширяющуюся репрезентацию откровенно иллюзорно-компенсаторных ментальных матриц из архивного жанра истеродемонического ренессанса, всегда и быстро оживающего в любые кризисы и маркирующего их маргинальными колдовскими и шаманскими камланиями. Если к профессиональным психологам в год обращается не более 10 % россиян, то к экстрасенсам и колдунам — около 25 %. Это больше, чем численность принимающих участие в церковных

таинствах. Отрицают феноменологическую реальность оккультизма лишь треть опрошенных, остальные в той или иной степени оказались вовлечены в оккультную атмосферу. Так что на место советского атеизма пришла не религия, а оккультизм. Только официально в стране зарегистрировано около 300 тысяч различных магов, целителей и экстрасенсов. Реальные цифры существенно больше, а динамика роста не оставляет сомнений в том, что завтра это будет основная «психотехнологическая субпопуляция», манипулирующая общественным сознанием. Тем более что прогрессивно уменьшающаяся субпопуляция профессиональных ученых уже меньше 400 тысяч [19, 30].

История многократно демонстрировала ущербность и самоубийственность попыток искусственного протезирования или размывания реальности, вытесняющих созидательные формы личностной и общественной деловой активности. Даже при достаточно распространенной гиперснисходительной оценке продукции отечественной ТВ-канализации иногда начинает казаться, что выполняется задача именно разрушения общественного сознания нации.

Миссия же усиления МИ и обеспечения МБ становится выполнимой только при сохранении последовательности и преемственности транслируемой конструктивной моральной позиции в смыслообразном дизайне создаваемой виртуальной реальности. При этом вторичным становится жанр и техника работы современных тупейных художников цифрового цеха. Они с равным успехом могут быть соц- или сюрреалистами, модернистами или примитивистами — в любом случае ментальное многообразие потенциальной аудитории гарантированно обеспечит принудительно навязанный потребительский спрос на «ментальную пайку» даже суррогатной информации. Принципиально важно лишь сохранение самого разнообразия палитры красок и смыслов. Это очень заметно в возродившейся моде, опять же как во все кризисные времена, на ток-шоу «обо всем и ни о чем»: при всей тактической актуальности злободневнейших тем стратегические вопросы зачастую выпадают из фокуса или иллюзорно забалтываются.

При этом любая неуклюжая попытка механистичной коррекции виртуальной картины мира («цензуры зеркала») неизбежно приводит к девальвации восприятия как самого транслятора, так и его героев. Актуальным сегодняшним показателем высокого МИ нации является то, что при очевидной девальвации рубля нет системной девальвации традиционных ценностей Русского Мира. Более того, противостояние санкциям может мобилизовать ресурсы **альтернативного развития**. Они несопоставимо больше банального импортозамещения, являющегося перепевом советских лозунгов в стиле «догнать и перегнать». Всем и давно понятно, что на сингулярных скоростях догоняющий никогда не перегонит, а победить в гонке на выбывание из цивилизационного круга можно только собственными креативными и альтернативными путями и способами.

Здесь уместно вспомнить, что именно в Архангельске Петр I основал в 1693 году первую российскую торговую верфь и запустил строительство «новомодных» судов, способных ходить под парусом против ветра. В 1694 году был спущен на воду первый русский торговый фрегат «Святой Павел», отправившийся с грузом в Голландию под новым русским флагом, ставшим ныне государственным. Сегодня, как и многократно прежде, Россия безальтернативно обречена в буквальном смысле слова ходить против ветра санкций, сохраняя свою историческую и духовную идентичность. Мобилизация альтернативных ресурсов и асимметричных способов реагирования прямо зависит в том числе и от резонансной репрезентации глубинных ментальных матриц нации.

Не случайно особенности ментальной экологии синхронного расширения русской культуры и общественного сознания, отражения разнообразных и бескрайних природных просторов в национальном характере исторически отражаются во всех проектах евразийской интеграции. Так, еще Н. А. Бердяев писал: «Необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души. Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность и бесформенность, устремленность в бесконечность и широта» [3]. Именно интерфейс МИ обеспечивает оценку и селекцию вызовов и угроз общественному сознанию на столь бескрайнем поле проблем и ресурсов, а также запуск прямо связанной с ними индукции новых и альтернативных путей развития.

Стратегия перманентной самоидентификации (или дрейфа идентичности по В. А. Тишкову [25]), позволяющая во всех фракталах онтогенеза сохранять актуальное восприятие своей личной идентичности при изменении социальной. Так же, как дефицит кальция в организме может приводить к остеопорозу и разрушению скелета, так и внутренний нравственно-ценностный каркас личности формируется смыслообразными ментальности и скелетирует идентичность.

Это позволяет сохранять критичность и взвешенность оценок калейдоскопически меняющейся картины реальности: с привычно-нормативными аномией и перmissивностью; галопирующе растущей деморализацией и дегуманизацией, погружающегося в системный цивилизационный кризис мира; с необратимо разрушаемыми национально-патриархальными решетками этических обычаев и традиций, как ментальных матриц цивилизационного разнообразия, подменяемых ритуальной спектаклизацией и игролизацией, симуляцией и симулякрами, кентавризмами и антиномиями. Выдерживать такое «безумное очарование» кризисной реальности под пафосные административные экстазы саморазрушительного импортозамещения, позволяет только надежный идентификационный скелет МИ, сотканный из традиционных гуманистических представлений и ценностей, инструментов и техник системной биопсихосоциодуховной оценки нормы и патологии.

Так же, как любовь продолжается вечно или хотя бы долго, лишь каждый день начинаясь сначала, так и МИ личности сохраняется лишь в постоянном обновлении идентичности в ходе реальной созидательной деятельности. Ведь даже самые правильные прививки добра, не говоря уж о божественных заповедях, невозможно сделать в детстве сразу и на всю оставшуюся жизнь...

Не случайно именно эта стратегия в существенной мере проявляется в неуклонно растущей субпопуляции «верующих без религии», отказывающихся от любых посредников в своем общении с Богом. Эту тенденцию предсказал еще Виктор Франкл в интервью американскому журналу «Тайм», где он отметил: «Мы движемся не к универсальной, а к личной, глубочайшим образом персонализированной религиозности, с помощью которой каждый сможет общаться с Богом на своем собственном, личном и интимном языке» [26]. Однако при этом степень и глубина личностного этического самоопределения и автономизации рискует превратиться в очередную ментальную яму-ловушку в ситуации галолирующей растущей интернет-глобализации, облегчающей буквально моментальный и эффективный доступ к сознанию пользователей.

Именно поэтому «ноосферный резильянс», аккумулярующий потенциал цивилизационного МИ, должен обеспечиваться адаптивным инжинирингом и менеджментом сетевых и — в идеале — прозрачных служб ментального здоровья, которые до недавнего времени функционировали во всех странах только и исключительно внутри систем национальной безопасности.

Выделенная стратегия позволяет в существенной мере нейтрализовать или хотя бы уравновесить механизмы анонимности и деструкции идентичности в развитии ментальных и асоциальных эпидемий [33].

Стратегия асимметричной когерентности состоит в системности и целостности восприятия ценностей и смыслов, пространства и времени реального и виртуального мира при безусловном приоритете первого. Название этой стратегии связано с одним из базовых принципов космологии — барионной асимметрией Вселенной, состоящей в наблюдаемом преобладании в ее видимой части вещества над антивеществом.

Сегодня, в привычно-повседневной ситуации инжиниринга и менеджмента глобального (ноосферного) сознания виртуальными инструментами и техниками, человечество незаметно затягивается в гигантскую черную дыру или *ментальную ловушку инверсии реальности*. В самом деле, ТВ и Интернет практически убедили мир, что реально только то, что нам говорят и показывают и без чего мы завтра просто не сможем жить.

Масштабы и темпы роста компьютерной и интернет-зависимости становятся фактором, угрожающим МБ и требующим защиты общественного сознания в виде усиления МИ.

Стратегия полимодального (кросс-, транс-, интерактивного и т. п.) резонанса актуализирована сингулярно-кризисной ситуацией тектонического цивилизационного сдвига, исчерпавшего традиционные ресурсы мирового уклада. Эта стратегия состоит в темпоритмологическом фокусировании и самонастройке МИ на оперативное прогнозирование и нелинейное реагирование на вызовы и угрозы, пропорционально мобилизующие ресурсы и регистры защиты. Пассивное наблюдение и выжидание с наивной надеждой выжить в крайней хате или даже в суперзащищенном дворце, как ментальной мышеловке с очень экстатическими нефте-газовыми иллюзиями, безвозвратно обрекает на повторение катастрофы Российской империи. Тогда точно так же все, способные думать, понимали и говорили о неизбежности краха, но по большому счету ничего не делали. Утешаться в очередной раз образом барахтающейся в санкционном молоке мухи, надеющейся превратить его в масло импортозамещения, просто наивно. Необходимы объединяющие и вдохновляющие, созидательно и технологически мобилизующие программы национальной обороны и стратегического развития.

Стратегия многомерной зеркальности сознания состоит в дозированном и избирательном прохождении через ментальную линзу сознания образов и смыслов окружающего и внутреннего мира человека. Ментальный иммунитет можно сравнить с защитным слоем такой оптики, создающим зеркальный эффект. При этом мыслеформы зазеркалья бессознательного столь же значимы для индивидуального сознания, как и вызовы внешнего мира. Обеспечивающие ментальную репрезентацию зеркальные нейроны головного мозга могут быть обозначены как *клетки ментальной иммунокомпетентности*. *Ментальная иммуномодуляция* состоит в регуляции и настройке зеркальной многомерной оптики интерфейса сознания. Инструментально-методологические вопросы уже были описаны нами в синергетической технологической платформе ментальной медицины, миссией которой является инжиниринг и менеджмент сознания и здоровья [33].

Предложенный подход в равной мере реализуем как на клинических моделях индивидуального сознания, так и на эпидемических моделях общественного сознания, отражающегося в «ноосферном зеркале» [32].

Например, если в средние века сотни тысяч крестоносцев, вовлеченных в социальную эпидемию борьбы с мусульманством за спасение гроба Господня, отправлялись в Африку и Палестину, то сегодня развивается рикошетно-зеркальная миграционная пандемия из буквально выжженных Западом мусульманских стран в благословенную Европу как Мекку Потребления. Клинически это выглядит как эпидемическая модель Стокгольмского синдрома. Не случайно Швеция столь популярна у беженцев, не ведающих о своей бессознательной привязанности к антитеррористам, уничтожившим их страны...

Что характерно, недавняя «арабская весна», как и первый крестовый поход в XI веке, началась с Туниса как рецептора и акцептора популяционного и транскультурального, эпидемического и самоубийственного взаимодействия.

Если мусульманский мир смог 200 лет выдерживать активную фазу католических крестовых походов, то ответ на почти демагогический вопрос — хватит ли Европе ментального здоровья и экономических ресурсов выдержать мусульманскую рикошетную взрывную волну от (как выясняется) самоубийственных НАТОвских бомбардировок? — становится совсем не очевидным. Но очевидна саморазрушающая Европейский союз деструктивная социальная эпидемия всепроникающей и ионизирующей европейское сознание исламизации. Воистину, почти по пословице: «Что для сирийца миграция, а для русского санкция, то для немца смерть...»?

В этом отношении показательно недавнее (август 2015) очередное противостояние на Корейском полуострове, когда на «громкоговорящие» ментальные атаки южан из XXI века северяне асимметрично отвечали артиллерийскими залпами из XX века. Постановщики самого продолжительного на сегодня депривационно-санкционного эксперимента снова продемонстрировали всему миру, что защита в принципе возможна без развития, но победа — никогда. Это особенно актуально для Российской Федерации, которой многие оппоненты пророчат северокорейскую траекторию судьбы с полным воспроизводством саморазрушительных сценариев еще не всеми забытой жизни за советским железным занавесом.

Именно поэтому **мобилизационная стратегия для современной России становится безальтернативной**, требуя для обеспечения МБ актуализации ресурсов МИ и регистров МР. Это тем более актуально, так как гибридные войны практически перестали быть заметными в жесточайшим образом конкурентно воюющем за ресурсы гибридном же мире. Показательно, что всесторонне самоубийственный украинский фронт стал мировым событием во многом как генерализация опыта «успешного» корейского зеркального популяционного эксперимента. При этом сторона, обреченная на жизнь в цивилизационном зазеркалье уже давно объявлена. Вот только не разбить бы само «ноосферное зеркало» как кристаллизованное (по К. Г. Юнгу) во всемирной паутине глобальное сознание. Да и сказать завтра с уверенностью, кто и на кого смотрит и где отражение, а главное — с какой стороны реальность — будет не просто.

Ведь у гибридной войны нет ни боевых, ни трудовых фронтов — все ресурсы и инструменты жизнеобеспечения стали оружием. Поэтому продолжать ждать, что когда надо Родина-мать позовет, это наивная беспечность. В планетарных катаклизмах сингулярной эпохи только абсолютно случайно выжившие с тяжелейшим постапокалипсическим синдромом могут слабоумно подозревать себя победителями...

Приведенные интегральные стратегии обеспечения МБ и развития МИ — это всего лишь небольшая иллюстрация пока все еще не востребованных ресурсов синергетической технологической платформы ментальной медицины и экологии, ментальной эпидемиологии и превентологии, практически воплощенных в работе многочисленных, но не скоординированных служб ментального здоровья: медицинских и психологических, социологических и педагогических, правовых и корпоративных. **Жизненно необходимым становится прорыв в новое системное и надведомственное качество работы.**

Тем более что цивилизационные сингулярно-глобализационные тренды сотканы из категорично исключительно ветвистого дерева интернационализации и информатизации, стереотипизации и унификации, интеграции и дифференциации, трансгендеризации (феминизации мужчин и омушествования женщин) и пандемии миграции, генерализации ментальных и асоциальных эпидемий и т. д. **Все это требует новых инструментов и ресурсов, надведомственной организационно-функциональной структуры и синергетической методологии работы по обеспечению ментальной национальной безопасности.**

Список литературы

1. Андреев А. Л. Ценностные и мировоззренческие аспекты социального неравенства // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 38–44.
2. Андреев И. Л. Этнокультуральный иммунитет как социальный мотиватор ритуального ухода из жизни: африканский президент // Психическое здоровье. 2015. № 3. С. 68–79.
3. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
4. Буркова Л. В. Механизмы формирования нравственного иммунитета у дошкольников // Педагогика (Киев). 2013. № 3. С. 22–27.
5. Ворона А. А., Сыркин Л. Д., Усов В. Н. Психосемантическая диагностика профессиональной пригодности летного состава // Военно-медицинский журнал. 2015. № 4. С. 50–56.
6. Горшков М. К. Россия: двадцать лет спустя (некоторые аспекты социологического анализа реформирования общества) // Власть. 2011. № 12. С. 19.
7. Горшков М. К. Проблемы национальной безопасности в информационном обществе // Власть. 2014. № 11. С. 8–12.
8. Дробужева Л. М. Государственно-гражданская идентичность и межэтническое согласие: теоретические и социально-практические проблемы // Власть. 2014. № 11. С. 12–16.
9. Дубнякова А. И. Образ сотрудника полиции в сознании граждан // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4 (55). С. 19–21.
10. Дубровский Д. И. Современное массовое сознание и будущее земной цивилизации // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 1 (37). С. 78–83.
11. Жапуев З. А. Социальный иммунитет как предмет социологического исследования: концептуализация понятия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 2. С. 46–50.

12. Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В. Психологическая безопасность: на пути к комплексным, междисциплинарным исследованиям // Проблемы психологической безопасности. М. : Изд-во «ИП РАН», 2012. С. 5–21.

13. Зобов Р. А., Матвеев А. М., Сугакова Л. И. Проблема здоровья человека в современном обществе (из истории методологического семинара НИИКСИ СПбГУ) // Российское общество: проблемы социального согласия и развития. СПб. : Изд-во СПб. ун-та. 2014. С. 233–240.

14. Константинова Л. В., Константинов С. А. Социальная справедливость в российском интерьере // Власть. 2012. № 5. С. 98.

15. Кормочи Е. А. Глобальные вызовы современного человечества // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2015. № 8. С. 191–200.

16. Кравцов Д. И. Сущность глобализационного давления современности: социально-философские аспекты проблемы // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 8, № 6.

17. Мазуренко И. В. Национально-культурная идентичность в условиях глобализации: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2009. 176 с.

18. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М. : Центр психологии и психотерапии, 1998. 480 с.

19. Национальная идея России: в 6 т. Т. 2. М. : Научный эксперт, 2012.

20. Ревягин А. В., Бойко О. А., Жайворонок А. В., Теохарова А. К. Обеспечение криминологической безопасности личности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2 (57). С. 54–57.

21. Режабек Б. Г. Учение В. И. Вернадского о Ноосфере и поиск пути выхода из глобальных кризисов // Век глобализации. 2008. № 1. С. 161.

22. Савенко Ю. С. Война или Здоровье? К 15-летию энциклопедического издания финских коллег // Независимый психиатрический журнал. 2015. № 1. С. 6–8.

23. Сидоров П. И. Психический терроризм – нелетальное оружие массового поражения // Российский психиатрический журнал. 2005. № 3. С. 28–34.

24. Степин В. С. Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. проф. Д. И. Дубровского. М. : ООО «Изд-во МБА», 2013. С. 10–25.

25. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М. : Наука, 2013. 649 с.

26. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990. 368 с.

27. Черешнев В. А., Расторгуев В. П., Сидоров П. И. и др. Экология человека в изменяющемся мире. 2-е изд. Екатеринбург : УрО РАН, 2008. 570 с.

28. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3–12.

29. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М. : Прогресс, 1996. 344 с.

30. Юревич А. В. Психологическое состояние современного российского общества: новые оценки // Вопросы психологии. 2015. № 2. С. 32–45.

31. Sidorov P. I. From bullying to pandemy of terrorism: synergetic bio-psycho-socio-spiritual methodology of Mental health protection // Handbook on Bullying: Prevalence, Psychological impacts and intervention Strategies. NY : NOVA Science Publishers, 2014. P. 177–214.

32. Sidorov P. I. Mental terrorism of Hibrid Wars and Defense Synergetics // Handbook Surveillance Systems and National Security of the 21s Century: New Developments. NY : NOVA Science Publishers, 2015. P. 166-189.

33. Sidorov P. I. From mental epidemics to terrorism pandemic: synergetic bio-psycho-socio-spiritual methodology of public conscience protection // Handbook «Focus on Terrorism». NY : NOVA Science Publishers, 2015. P. 182–221.

References

1. Andreev A. L. Value and belief aspects of social inequality. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. 2007, 9, pp. 38-44. [in Russian]

2. Andreev I. L. Ethnic culture-based immunity as social motivator of ritual departure from life: African president. *Psikhicheskoe zdorov'e* [Mental Health]. 2015, 3, pp. 68-79. [in Russian]

3. Berdyaev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 224 p.

4. Burkova L. V. Mechanisms of moral immunity formation in preschoolers. *Pedagogika* [Pedagogics] (Kiev). 2013, 3, pp. 22-27. [in Ukrainian]

5. Vorona A. A., Syrkin L. D., Usov V.N. Psychosemantic diagnosis of airborne personnel vocational aptitude. *Voennomeditsinskii zhurnal* [Military Medical Journal]. 2015, 4, pp. 50-56. [in Russian]

6. Gorshkov M. Russia: Twenty Years Later. *Vlast'* [The Power]. 2011, 12, p. 19. [in Russian]

7. Gorshkov M. K. National security problems in information-oriented society. *Vlast'* [The Power]. 2014, 11, pp. 8-12. [in Russian]

8. Drobizheva L. M. State-civil identity and interethnic agreement: theoretical and social realistic problems. *Vlast'* [The Power]. 2014, 11, pp. 12-16. [in Russian]

9. Dubnyakova A. I. Police officer image in citizens' conscience. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psychoeducation in law-enforcement agencies]. 2013, 4 (55), pp. 19-21. [in Russian]

10. Dubrovskii D. I. Modern mass conscience and the future of the Earth civilization. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social sciences and humanities in the Far East]. 2013, 1 (37), pp. 78-83. [in Russian]

11. Zhapuev Z. A. Social immunity as a sociological study object: conceptualization of notion. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, social economic and social sciences]. 2013, 2, pp. 46-50. [in Russian]

12. Zhuravlev A. L., Tarabrina N. V. *Psikhologicheskaya bezopasnost': na puti k kompleksnym, mezhdistsiplinarnym issledovaniyam* [Psychological safety: on the way to complex, interdisciplinary studies]. In: *Problemy psikhologicheskoi bezopasnosti* [Problems of psychological safety]. Moscow, 2012, pp. 5-21.

13. Zobov R. A., Matveev A. M., Sugakova L. I. Problema zdorov'ya cheloveka v sovremennom obshchestve (iz istorii metodologicheskogo seminaru NIIXSI SPbGU) [Problem of human health in modern society (history of methodological seminar NIIXSI SpbSU)]. In: *Rossiiskoe obshchestvo: problemy sotsial'nogo soglasiya i razvitiya* [Russian society: problems of social consent and development]. Saint Petersburg, 2014, pp. 233-240.

14. Konstantinova L. V., Konstantinov S. A. Social Justice in the Russian Context. *Vlast'* [The Power]. 2012, 5, p. 98. [in Russian]

15. Kormochi E. A. Global challenges of modern mankind. *Novyi vzglyad. Mezhdunarodnyi nauchnyi vestnik* [New attitude. International Research Bulletin]. 2015, 8, pp. 191-200. [in Russian]
16. Kravtsov D. I. Essence of globalization pressure of today's world: social-philosophical aspects of the problem. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities]. 2015, 8 (6). [in Russian]
17. Mazurenko I. V. *Natsional'no-kul'turnaya identichnost' v usloviyakh globalizatsii: sotsial'no-filosofskii analiz. Kand. Diss.* [National-cultural identity in globalization conditions: social-philosophical analysis. Cand. Diss.]. Moscow, 2009, 176 p.
18. Moskovichi S. *Vek tolp. Istoricheskii traktat po psikhologii mass* [Crowd century. Historical tractate in mass psychology]. Moscow, Tsentr psikhologii i psikhoterapii, 1998, 480 p.
19. *Natsional'naya ideya Rossii. V 6 t. T. 2* [National idea of Russia. In 6 vol. V. 2]. Moscow, Nauchnyi ekspert Publ., 2012.
20. Revyagin A. V., Boiko O. A., Zhaivoronok A. V., Teokharova A. K. Provision of personality's criminological security. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psychopedagogics in law-enforcement agencies]. 2014, 2 (57), pp. 54-57. [in Russian]
21. Rezhabek B. G. Vernadsky School of noosphere and search of route of departure from global crises. *Vek globalizatsii* [Globalization Century]. 2008, 1, p. 161. [in Russian]
22. Savenko Yu. S. War or health? 15-th anniversary of the encyclopedic publication of the Finnish colleagues. *Nezavisimyi psikhiatricheskii zhurnal* [Independent Psychiatric Journal]. 2015, 1, pp. 6-8. [in Russian]
23. Sidorov P. I. Mentality terrorism - mass destruction non-lethal weapon. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal* [Russian Journal of Psychiatry]. 2005, 3, pp. 28-34. [in Russian]
24. Stepin V. S. Perelom v tsivilizatsionnom razvitii. Tochki rosta novykh tsennostei [Civilization development turn. Growth areas of new values]. In: *Global'noe budushchee 2045. Konvergentye tekhnologii (NBICS) i transgumanisticheskaya evolyutsiya* [Global future 2045. Convergent technologies (NBICS) and transhumanistic evolution]. Moscow, 2013, pp. 10-25.
25. Tishkov V. A. *Rossiiskii narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya* [Russian people: history and national conscience meaning]. Moscow, Nauka Publ., 2013, 649 p.
26. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's search for meaning]. Moscow, Progress Publ., 1990, 368 p.
27. Chereshnev V. A., Rastorguev V. P., Sidorov P. I. i dr. *Ekologiya cheloveka v izmenyayushchemsya mire* [Human ecology in changing world]. Yekaterinburg, 2008, 570 p.
28. Shtompka P. Cultural trauma in post-communist society (second article). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. 2001, 2, pp. 3-12. [in Russian]
29. Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow, Progress Publ., 1996, 344 p.
30. Yurevich A. V. Psychological state of modern Russian society: new assessments. *Voprosy Psikhologii* [Psychology Problems]. 2015, 2, pp. 32-45. [in Russian]
31. Sidorov P. I. From bullying to pandemy of terrorism: synergetic bio-psycho-socio-spiritual methodology of mental health protection. *Handbook on Bullying: Prevalence, Psychological impacts and intervention Strategies*. NY, NOVA Science Publishers, 2014, pp. 177-214.
32. Sidorov P. I. Mental terrorism of Hibrid Wars and Defense Synergetics. *Handbook Surveillance Systems and National Security of the 21s Century: New Developments*. NY, NOVA Science Publishers, 2015, pp. 166-189.
33. Sidorov P. I. From mental epidemics to terrorism pandemic: synergetic bio-psycho-socio-spiritual methodology of public conscience protection. *Handbook «Focus on Terrorism»*. NY, NOVA Science Publishers, 2015, pp. 182-221.

Контактная информация:

Сидоров Павел Иванович — академик РАН, ГБОУ ВПО «Северный государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
Адрес: 163001, г. Архангельск, пр. Троицкий, 51
E-mail: pavelidorov13@gmail.com